

К 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского

Великий русский критик

Тончайшую эстетическую восприимчивость Белинского единодушно признавали и друзья и недруги неистового Виссариона. Прирожденное чутье к прекрасному сочеталось у него с передовым философским и политическим мировоззрением. Именно поэтому ошибался Белинский в своих эстетических оценках крайне редко, в громадном большинстве своем они остаются непоколебленными и сейчас, сто лет спустя после того, как были высказаны.

Белинский первый разгадал нетленную красоту памятников народно-поэтического творчества. Резко выступая против всевозможных подделок под народную поэзию, он с восхищением отзывался о русских песнях, полных «глубокой грусти, сладкой тоски и молодецкого разгуля», о неувядаемой прелести русских сказок. Белинским впервые были сказаны настоящие, веские слова о Державине, Жуковском, Батюшкове и других писателях, подготовивших расцвет всеобъемлющего пушкинского гения. Хотя современная наука знает Пушкина гораздо полнее и лучше, чем знал его Белинский, классические статьи Белинского о Пушкине по широте размаха, изумительной аналитической остроте и тонкости до сих пор остаются непревзойденными и не имеют ничего равного себе в позднейшей критической литературе о Пушкине. Недаром Лев Толстой признавался, что, только прочитав статьи Белинского, он по-настоящему понял Пушкина.

Эта эстетическая непогрешимость Белинского как литературного критика делает его явлением почти беспрецедентным в истории не только русской, но и мировой культуры.

Но не только и не столько эстетической непогрешимостью Белинского определяются его мировое значение, его исключительная роль в истории русской литературы, для лучших деятелей которой имя Белинского было воистину боевым знаменем.

Один из приемов либеральной фальсификации наследия Белинского состоял в том, что его горе-толкователи пытались отгородить непроницаемой стеной деятельность Белинского, как литературного критика, от его деятельности, как политического мыслителя и публициста. При этом доказывалось, что на литературных суждениях и оценках Белинского никак якобы не отразились его революционно-демократические «крайности» и «излишества», так претившие его умеренным и аккуратным «друзьям». Противостоятельность и живость этих утверждений очевидна. Белинский — литературный критик неотделим от Белинского — революционного демократа. В условиях жесточайшей реакции, нестерпимого полицейского террора Белинский использовал литературную критику как орудие политической борьбы. Это было действительной формой пропаганды передового мировоззрения. Полно и ярко развернулись в этой области его способности как политического деятеля, народного трибуна.

Родоначальник и духовный отец русской революционной демократии, Белинский был вместе с тем основоположником русской материалистической эстетики. Он гениально разработал основные теоретические принципы реалистического направления в русской литературе, в русле которого протекала творческая деятельность всех передовых русских писателей прошлого.

Какие это принципы?

Прежде всего — верность жизненной правде, раскрытие «совершенной истины жизни». В глазах Белинского каждое «истинно-художественное произведение всегда поражает читателя своею истинною, естественностию, верностию, действительностию, до того, что, читая его, вы бессознательно, но глубоко убеждены, что все, рассказываемое или представляемое в нем, происходило именно так и совершится иначе никак не могло»; «в искусстве все, не верное действительности, — учит Белинский, — есть ложь и обличает не талант, а бездарность». Уход художника от действительности в узкий мирок своих личных переживаний несет гибель искусству. «Чтоб быть поэтом... нужно могучее сочувствие с вопросами современной действительности. Поэзия, которой корни находятся в прихотях, скорбях или радостях самолюбивой личности, носящейся, как курица с яйцом, с своими прекрасными чувствами, до которых никому нет дела, — такая поэзия, вместо внимания, заслуживает презрение. Всякая поэзия, которой корни не в современной действительности, всякая поэзия, которая не бросает света на действительность, объясняя ее, — есть дело от безделья, невинное, но пустое препровождение времени, игра в куклы и бирюльки, занятие пустых людей...».

Таким образом, принцип верности действительности включает в себя, согласно воззрениям Белинского, активное отношение к действительности. Художник не просто натуралистически воспроизводит явления окружающей жизни, но и «бросает свет» на

эти явления, «объясняет» их. Жизненная правдивость сочетается в подлинном искусстве с высокой идейностью, целеустремленностью, общественной направленностью. «Отнимать у искусства право служить общественным интересам — значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит — лишать его самой живой силы, то есть мысли, делать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкой праздных ленивцев».

Отрванное от жизни искусство, замкнутое в самом себе, бездейное, лишенное какого-либо общественного содержания, было глубоко враждебно Белинскому. «Начиная с Белинского, все лучшие представители революционно-демократической русской интеллигенции не признавали так называемого «чистого искусства», «искусства для искусства» и были глашатаями искусства для народа, его высокой идейности и общественного значения», — говорил тов. А. А. Жданов в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Общественная направленность искусства в глазах Белинского ни в какой мере не ограничивает творческой индивидуальности художника, а наоборот, предполагает наиболее полное ее раскрытие. «Свобода творчества легко согласуется со служением современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насильствовать фантазию; для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями».

Неотъемлемым признаком подлинного искусства является его народность. «Кто поэт истинный, — учил Белинский, — тот не может не быть народным»; «народность есть не достоинство, а необходимое условие истинно художественного произведения». Самое понимание Белинским принципа народности было при этом глубоко новаторским и прогрессивным. Он горячо вставал против реакционных писателей, завладевших под флагом народности идеализацией наиболее отсталых, архаичных форм крестьянской жизни, видевших «истинную национальность» только «под зинном, в курной избе». Под народностью Белинский разумеет не натуралистический бытовизм и не эстетское любование подробностями крестьянского быта, а «отражение индивидуальности, характерности народа, отражение духа внутренней и внешней его жизни, со всеми ее типическими оттенками, красками и родимыми пятнами».

Совершенно ясно, что литературно-эстетические взгляды Белинского не родились сразу, как нечто готовое, а кристаллизовались постепенно, как и его мировоззрение в целом.

Овладевая высотами материалистического и революционно-демократического мировоззрения, Белинский отклонялся порой от прямого пути. Это отражалось, естественно, и на его литературно-эстетических суждениях. В период «примирения с действительностью», например, он резко возражал против «субъективного» элемента в искусстве и сурово осудил в этой связи «Горе от ума». Позднее он глубоко сожалел о том, что отозвался «свысока, с пренебрежением» о гениальной грибоедовской комедии, которая представляла собою «благороднейшее, гуманическое произведение, энергический... протест против гнусной расейской действительности, против чиновников взяточников, бар-развратников».

Следует отметить, однако, что как ни заблуждался порою Белинский в своих исканиях истины, здоровое демократическое начало всегда присутствовало в его литературных оценках.

Враги Белинского и его мнимые друзья из либерально-западнического лагеря немало поработали над тем, чтобы умалить и принизить черты национального своеобразия и самобытности в его воззрениях. С этой целью они всячески раздували и преувеличивали силу воздействия, которое якобы оказали на него различные западноевропейские доктрины.

Несомненно, духовная культура Запада не была безразлична для Белинского в его исканиях. Но столь же очевидно, что разработанная им концепция истинного искусства, как искусства жизненно правдивого, общественно-направленного, народного, не только не является сколком учений, выросших на почве немецкой идеалистической философии, — об этом смехом говорить, — но и решительно противостоит этим учениям. Не на реакционные мудствования Шеллинга, Фихте и Гегеля опирался Белинский в своем понимании искусства, а прежде всего на факты русской действительности, на живой творческий опыт русской литературы.

В докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» тов. А. А. Жданов ясно показал те нити живой исторической преемственности, которые связывают с творческим наследием Белинского нашу литературу — самую идейную, самую передовую литературу мира. «...Лучшая традиция советской литературы является продолжением

лучших традиций русской литературы XIX века, — указывал он, — традиций, созданных нашими великими революционными демократами — Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Салтыковым-Щедриным, продолженных Плехановым и научно разработанных и обоснованных Лениным и Сталиным».

Оплодотворенная великими идеями коммунистического мировоззрения, русская литературно-эстетическая мысль сделала огромный шаг вперед, поднялась на новую, значительно более высокую ступень, приобрела новое идейное качество. Но высказанные Белинским суждения о жизненной правдивости литературы, ее общественной направленности, народности, его последовательная борьба с эстетическим индивидуализмом и бездейностью в искусстве, — все это имеет и в наши дни исключительное значение для разработки вопросов социалистической эстетики, для теории и творческой практики советской литературы.

Не одним своим теоретическим содержанием близко и дорого нам наследие Белинского. Всей своей деятельностью он являет пример критика-гражданина, для которого критерии прекрасного были неотделимы от критериев общественно-полезного. И в этом отношении деятельность Белинского сохраняет всю свою поучительность и для нас, его потомков.

Белинский был крайне требовательным и взыскательным судьей эстетических качеств литературных произведений, ему совершенно чуждо было снисходительно-примиренческое отношение к их художественным недостаткам. Но в то же время он утверждал, что «чисто художественная критика, не допускающая исторического взгляда, теперь нигде не годится, как односторонняя, пристрастная и неблагоприятная. Художественность и теперь великое качество литературных произведений; но если при ней нет качества, заключающегося в духе современности, она уже не может сильно увлекать нас. Поэтому теперь посредственно-художественное произведение, на которое дает толчок общественному сознанию, будит вопросы или решает их, гораздо важнее самого художественного произведения, ничего не дающего сознанию вне сферы искусства». Глупо, конечно, было бы усматривать в этих словах Белинского что-либо похожее на апологию посредственности; он утверждает лишь неотделимость эстетической оценки литературного произведения от оценки общественной значимости его.

Драгоценным качеством Белинского как литературного критика является органическая связь с литературным движением его времени. Ему присуще было страстное, глубоко заинтересованное отношение ко всем большим и малым явлениям текущей литературной жизни, он всегда стремился активно воздействовать на формирование литературы, на общий ход литературного процесса.

Именно потому, что богатство теоретической мысли сочеталось у Белинского с великодушными качествами критика-гражданина, критика-борца, он сыграл огромную роль как организатор передовых литературных сил своего времени. С самого начала своей деятельности он горячо поддерживает Гоголя, как главу реалистического направления в русской литературе, писателя, вслед за Пушкиным указавшего правильный путь ее развития. Стремление русской литературы к жизненной правдивости и народности «ни в одном русском писателе... не достигло такого успеха, как в Гоголе», — утверждал Белинский. Тем с большим негодованием встретил он «Выбранные места из переписки с друзьями» — книгу, сыгравшую роковую роль в жизни писателя, отбросившую его в стан реакции. Он разгадал в Лермонтове «поэта русского, народного, в высшем и благороднейшем значении этого слова, — поэта, в котором выразился исторический момент русского общества». Он был учителем жизни для Кольцова. Он напутствовал Некрасова, Тургенева, Гончарова в самом начале их творческого пути. «Школа Белинского — это почетная школа. Она проделала огромную работу по просвещению наших мастеров и далеко вперед динула наше искусство и литературу», — отмечал М. И. Калинин.

В своих оценках Белинский всегда был высоко принципиален и неподкупно честен. Популярность того или иного писателя, его «общепризнанность» никогда не останавливала Белинского, если он считал, что произведения этого писателя наносят ущерб делу литературы.

Немеркнущим светом великих идей Белинского озарен весь путь русской литературы XIX века. Не случайно, говоря о ее всемирном значении, Ленин назвал бессмертные имена классиков русской революционно-демократической мысли, и среди них — светлое имя Белинского. Товарищ Сталин упоминал его в грозные дни Великой Отечественной войны в числе лучших сынов великой русской нации.

И. СЕРГИЕВСКИЙ.

Юбилейное издание сочинений В. Г. Белинского

К столетию со дня смерти великого критика Гослитиздат выпустил собрание сочинений Белинского в трех томах тиражом в триста тысяч экземпляров.

В настоящем издании представлено более семидесяти критических работ Белинского, составляющих в общей сложности свыше ста шестидесяти печатных листов. Принцип отбора произведений надо признать правильным. Трехтомник включает все наиболее значительное и ценное из литературного наследия критика.

Первый том сочинений открывается статьей «Литературные мечтания» — первой, наиболее значительной работой Белинского, опубликованной в газете «Молва» (1834 г.). Из последующих восемнадцати статей необходимо отметить такие, как «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835 г.), в которой Белинский проницательно угадал и гениальность Гоголя и основные особенности его творчества. «Стихотворения Владимира Бенедиктова» — блестящий образец смелого ниспровержения дутых литературных авторитетов. «Стихо-

творения Кольцова» — свидетельство глубокой любви Белинского к подлинно народной поэзии. Две статьи о творчестве Лермонтова: «Герой нашего времени...» (1840 г.) и «Стихотворения М. Лермонтова» (1841 г.), в которых Белинский после короткого периода «примирения» с действительностью (о чем свидетельствует помещенная в томе статья «Менцель, критик Гете», 1840 г.) перешел к решительной проповеди критического отношения к самодержавно-крепостным порядкам и превознес «облитые горечью и злостью» произведения Лермонтова за динамическую силу протеста и неутолимую жажду борьбы, свободы и независимости.

Второй том включает работы, опубликованные в основном в «Отечественных записках». Кроме четырех годовых обзоров русской литературы за 1841, 1842, 1843, 1844 гг., наибольший интерес представляют теоретические статьи Белинского 1841 г. «Разделение поэзии на роды и виды», «Идея искусства», «Общее значение слова литература» и «Речь о критике» (1842 г.), представляющая собой изложе-

ние программных принципов революционно-демократической критики.

Три статьи о «Мертвых душах» 1842 года («Похождения Чичикова или Мертвые души», «Несколько слов о поэме Гоголя...», «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души»), статьи и рецензии о некрасовском сборнике «Физиология Петербурга» 1845 г. ярко говорят о настоящей живой борьбе Белинского за утверждение критического направления в русской литературе. В статье «Иван Андреевич Крылов» (1845 г.) Белинский вскрыл глубокую народность и реалистический характер творчества баснописца.

Третий том содержит работы, написанные критиком в последние годы своей жизни. Три годовых обзора русской литературы — за 1845, 1846, 1847 гг., — одиннадцатая статья о Пушкине, статьи о Гоголе вместе со знаменитым письмом «неистового Виссариона» к писателю заключают трехтомник и подводят итог гигантской деятельности выдающегося революционного демократа.

Новое издание собрания сочинений Белинского хорошо оформлено полиграфически (художник Н. В. Ильин) и доступно по цене.